

«ПРОГРЕССИСТЫ ЕР» — ПРОТИВ СИЛОВОГО УПРАВЛЕНИЯ

Вадим Волков

Вадим Волков — проректор Европейского университета в Санкт-Петербурге, доктор социологических наук, автор книги «Силовое предпринимательство: экономико-социологический анализ» (М., 2002, 2005), вышедшей на русском и английском языках

Силовое предпринимательство существует только тогда, когда владельцы средств принуждения автономны и имеют возможность принимать решения, исходя из своих корпоративных интересов. Сам термин «силовики» акцентирует главное — применение силы — и отбрасывает второстепенное — охрану порядка, закона, безопасность, юстицию и все то, что связано с общественными функциями государства.

Идеология силовиков нам известна, например, из публикаций Виктора Черкесова. Они считают себя спасителями России, предотвратившими ее территориальный распад и олигархическую распродажу. Главную проблему они видят в том, что «воины» стали «торговцами» (читай — «пацаны» стали «барыгами»). Вместо того, чтобы просто получать охранную дань, они «вошли в долю» и стали служить каждый своему бизнесу, а не общей корпорации. Тем самым Черкесов интуитивно схватил

суть эволюции силового предпринимательства: от увеличения охранной дани к ее капитализации. Возможно, сознательно, но он не упомянул главного — **стабильное конвертирование силового ресурса в собственность требует политического господства.**

У силовой корпорации путь к господству соответствует ее природе. Это сочетание скрытого принуждения, манипуляции информацией и создания фасадов. Сейчас главным фасадом является правовая система (закон) и различные формальные процедуры, которые поставлены на службу корпоративным интересам. Надо понимать разницу между верховенством права (это когда закон обеспечивает права граждан) и верховенством закона (когда закон становится главным инструментом репрессий). На английском эта разница схватывается противопоставлением «rule of law» и «rule by law». Так что первым условием ослабления силового фактора в политике является независимая судебная система. Это может показаться циничным, но, при отсутствии в России широкого общественного движения за права и справедливость, источником усиления судебной системы и ее независимости может стать патовая ситуация, при которой ни одна клика внутри корпорации уже не может гарантированно засадить другую за решетку при помощи суда. Тогда возникает окно возможностей для новой судебной реформы.

В отличие от партии, которая стремится к захвату власти путем публичной мобилизации сторонников внутри групп, интересы которых она представляет, корпорация (а силовики сегодня — это самая влиятельная

корпорация) не может использовать этот путь. **Объективно, партии и партийная политика являются конкурентами силовой корпорации и силового управления. Но на практике для этого сами партии должны быть в ситуации политической конкуренции, в поле публичной политики.** Опыт стран Латинской Америки и Юго-Восточной Азии показывает, что монополю правящие партии становятся, скорее, средствами согласования интересов военных, гражданской бюрократии и крупных собственников, чем автономными политическими силами.

Если одним из основных источников дохода силовой корпорации в России является неформальный налог на предпринимательский доход, то без политического представительства собственников бизнеса обратное превращение силовой корпорации в государственную службу маловероятно. Пока я не вижу большого доверия предпринимательского класса к «Единой России». **Нестабильность прав собственности препятствует политической активности собственников. А быстрый запуск полноценной политической конкуренции возможен на пути организационного отделения прогрессистского крыла от консервативного в «Единой России» и формирования на этой основе новой, но уже имеющей ресурсы партии, которую бы возглавил нынешний президент.** Тогда можно было бы ожидать политической активизации предпринимателей и среднего класса и потенциального решения проблемы снижения непродуктивной нагрузки на бизнес. А значит, и сужения возможностей для силового управления. ■

Специально для РЖ